

Эволюция брачных контактов юкагиров в контексте «свой-чужой»

Фадеева Е. В.

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
ev_fadeeva@mail.ru

Аннотация

В традиционном обществе, вплоть до второй половины XIX в., у юкагиров преобладали одноэтнические браки. Допускать браки с представителями «чужих» этносов на первоначальном этапе вынуждали социально-экономические условия (эпидемии, голодовки, вымирание родов и пр.), поэтому межэтнические браки заключались главным образом между представителями разных коренных малочисленных народов Севера (КМНС), имеющих, как правило, схожий хозяйственно-культурный тип (ХКТ). Позднее, после знакомства юкагиров с русскими казаками и славянскими переселенцами, в виду отсутствия или недостатка своих женщин у последних, стали появляться межэтнические союзы, которые в дальнейшем привели к возникновению некоторых специфических этнических групп (чуванцы) с синкретической культурой. Кроме того, подобные браки рассматривались как возможность «разбавить» и «укрепить» свою кровь. В годы советской власти (в результате различных общественных трансформаций (коллективизация, укрупнение сел, миграция в города и пр.) рамки между «своими» и «чужими» стали еще больше размываться, что приводило к дальнейшему увеличению количества смешанных браков. В настоящий момент, на наш взгляд, этой границы, по сути, практически нет: у юкагиров не только преобладают браки со славянским населением, но и появились семьи с представителями ближнего и дальнего зарубежья. Причинами данного явления, помимо того, что в подобные союзы вступают второе-третье-четвертое поколения метисов, являются большой процент кровнородственных связей внутри этноса, неблагоприятное соотношение полов (женщин больше, чем мужчин, особенно в репродуктивном возрасте).

Ключевые слова:

коренные малочисленные народы Севера, Дальний Восток России, юкагиры, «свой», «чужой», брачные контакты, мужчины, женщины

Цель исследования – проанализировать эволюцию изменений брачных контактов юкагиров в прошлом и настоящем, в контексте «свой-чужой» и под влиянием межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия.

The evolution of marital contacts among the Yukaghirs in the context of «friend or foe»

Fadeeva E. V.

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok
ev_fadeeva@mail.ru

Abstract

In traditional society, until the second half of the XIX century, same-ethnic marriages prevailed among the Yukaghirs. Initially, socioeconomic conditions (epidemics, famine, extinction of clans, etc.) forced marriages with members of “foreign” ethnic groups. Therefore, interethnic marriages were primarily concluded between members of different indigenous minorities of the North, who, as a rule, have a similar economic and cultural type. Later, after the Yukaghirs became acquainted with the Russian Cossacks and Slavic settlers, due to the absence or lack of their women among the latter, interethnic unions began to appear, which subsequently led to the emergence of some specific ethnic groups (Chuvans) with a syncretic culture. Moreover, such marriages were considered as an opportunity to “dilute” and “strengthen” their bloodline. During the years of Soviet power, as a result of various social transformations (collectivization, enlargement of villages, migration to towns, etc.), the boundaries between “friend” and “foe” became even more blurred, leading to a further increase in mixed marriages. Currently, in our opinion, this boundary is essentially nonexistent: the Yukaghirs not only have marriages with Slavic population, but also have families with people from near and far abroad. The reasons for this phenomenon, in addition to the fact that such unions involve second, third, and fourth generations of mestizos people, are the high percentage of consanguineous ties within the ethnic group, and the unfavorable sex ratio (women outnumber men, especially at reproductive age).

Keywords:

indigenous minorities of the North, Russian Far East, Yukaghirs, “friend”, “foe”, marital contacts, men, women

Представленные в работе процессы имеют влияние на все стороны жизнедеятельности этноса – от освоения новых территорий до проблем воспроизводства этноса и сохранения его самоидентификации.

«Свой» и «чужой» – парное понятие (смысловое противопоставление) в социологии и социальной философии, характерное даже для поведения высших приматов. «Свои» означают сообщество, с которым отождествляет себя индивид. «Чужие» – сообщество, с которым индивид себя не отождествляет и рассматривает в категориях отчуждения или розни (превосходства либо ущербности). Каждый индивид, являясь членом разных социальных групп – половых, возрастных, политических, религиозных и др., воспринимает себя в качестве члена группы и кардинально меняет оценки, эмоции и поведение [1].

Категория «свой – чужой» для этнокультурных стереотипов выступает как универсальный классификатор и связана с понятиями нормы и антинормы; на этих понятиях построена шкала оценок и ценностей, им определено «свое» и «чужое» в природной и социальной сферах.

В рамках традиционной народной культуры образ этнически «чужого» описывается с помощью стандартной схемы, включающей ключевые позиции, по которым предполагается «опознавать» «чужого» среди «своих»: внешность, запах, наличие физических аномалий, отсутствие души, обладание сверхъестественными свойствами (оборотничество, магия и колдовство, чаще вредоносное), «неправильное» поведение (объясняемое «чужой» и, следовательно, неправильной, греховной, демонической ритуалистикой и обычаями), язык и речевое поведение [2, с. 15]. Эта оппозиция пронизывает все уровни – начиная с космологических представлений («свое» и «чужое» пространство, люди и демонические существа) и заканчивая бытовой сферой (различия в языках, ритуалах, жизненном укладе). Эта оппозиция также является значимой для формирования представлений о связях человека, включая родственные, этнические, языковые, конфессиональные и социальные. Признаки «свой» и «чужой» наделяются ярко выраженным оценочным характером. Как правило, выделяются, переосмысляются и интерпретируются элементы «чужой» культуры, отличающиеся от «своей» культуры [3, с. 261].

Проблемы социально-экономического и культурного взаимодействия юкагиров с соседними народами в свое время освещались в работах В. И. Иохельсона, С. Патканова, В. А. Туголукова, Б. О. Долгих, Л. Н. Жуковой, А. А. Сулейманова, Н. В. Плужникова, В. В. Филипповой, в коллективных монографиях по истории и культуре юкагиров (1975, 2020) и пр. Новизна представленного исследования заключается в рассмотрении проблемы эволюции брачных контактов юкагиров с другими этносами с точки зрения оппозиции «свой-чужой».

«Исторически обширная территория северо-востока Российской Федерации являлась пространством, ландшафты которого сформировали особенности расселения и хозяйства, материальной и духовной культуры юкагирского этноса» [4, с. 78].

До расселения в I – середине II тыс. в Северной Сибири тунгусов (эвенков и эвенов) юкагиры занимали территорию от р. Анабар на западе до среднего течения р. Анадырь на востоке и от побережья Северного Ледовитого океана на севере до верховьев Лены на юге. В резуль-

тате тунгусо-юкагирских войн юкагиры были оттеснены на восток, тунгусы (эвены) заняли горные области и водоразделы, тогда как юкагиры остались в речных долинах. Жили оседло по речным долинам. Вследствие расселения тунгусов и русских казаков, эпидемий оспы, вызванных контактами с русскими, численность юкагиров резко упала, в результате чего северные группы перешли к кочевому образу жизни, а значительная часть юкагиров была ассимилирована русскими старожилыми (марковцы) и тунгусами [5, с. 576].

Издrevле народ разделен на две группы – лесные или таежные юкагиры (одулы) и тундровые юкагиры (вадулы). Первые проживали в бассейне р. Ясачной, левого притока реки Колымы, на территории Верхнеколымского улуса (района) Якутии (совр. с. Нелемное); вторые – в Нижнеколымском улусе, по бассейнам рек Алазея и Большая Чукочьа, впадающих в Северный Ледовитый океан (совр. с. Андрюшкино) [6, с. 14]. На сегодня территорией жизнедеятельности юкагиров является Колымский регион Якутии – низовья и среднее течение бассейна р. Колымы, где они проживают и сохраняют свои традиционные занятия и культуру [4, с. 78].

Верхнеколымские юкагиры жили полуоседло, с февраля по июль охотились, с июля до конца осени селились по рекам для рыбной ловли; держали ездовых собак. Нижнеколымские юкагиры занимались кочевым оленеводством тунгусского типа (заимствовано у эвенов), проводили зиму в лесной полосе, с марта, вслед за стадами диких оленей, отходили в тундру, кочевали небольшими группами у озер Большой Олёр и Малый Олёр, занимались охотой на оленя (в основном, коллективно: загоняли оленей в воду, строя загонные сооружения, или кололи на переправах во время сезонных миграций), а также линного гуся, рыбной ловлей, с осени возвращались на юг. Зимой промышляли пушнину [5, с. 576].

Ко второй половине XIX в. юкагиры находились на стадии разложения патрилокально-родового строя, сохраняя при этом многие нормы отцовской родовой организации. Делились на 12 групп («родов»), названия которых отражали не столько кровное родство группы, сколько то, что членов этих групп объединяли общие обычаи, поэтому древний юкагирский род имел двойственный характер кровнородственной и территориальной групп, объединявших не только родственные семьи, но и включающих ряд групп, не связанных кровным родством с целью поддержания определенных хозяйственных, родственных и идеологических связей [7, с. 174].

Брачные союзы заключались исключительно в пределах своего этноса; между некоторыми родами и даже большими семьями устанавливались предпочтительные браки (обмен сестрами, женитьба на женщине из рода матери, обручение младенцев из разных родов, левиратные и сороратные браки). Представители соседних народов, о существовании территории проживания, хозяйственных занятиях и об обычаях которых они знали, рассматривались как «чужие», и взаимоотношения с которыми зачастую носили враждебный характер (например, столкновения между юкагирами и их соседями – чукчами, коряками

и ламутами во второй половине XVII в.). Во время вооруженных конфликтов мужчин убивали, а женщин и детей уводили в плен; это привело к сокращению численности и тех, и других.

Однако во второй половине XVIII в. часть юкагиров-ходынцев, поддержавших коряков в борьбе с чукчами и русскими казаками, сблизилась с ними [8, с. 34], что, в свою очередь, привело в XVIII–XIX вв. к образованию и регистрации большого количества смешанных браков среди юкагиров и оленеводов-коряков; интенсивность торговых и брачных контактов между юкагирами и коряками еще более усилилась со времени основания Анюйской ярмарки [9, с. 20].

События первых десятилетий XIX в.: систематические голодовки (1810–1812, 1821, 1835, 1844 и др.), массовый падеж ездовых собак, эпидемии «гнилой горячки» (1826–1827, 1837–1838), эпидемии оспы и кори (1884, 1889) [10, с. 119; 11, с. 196] – наложили сильный отпечаток на последующее развитие юкагиров. Спасаясь от болезней, люди покидали родные места и оказывались в иноэтническом и далеко не всегда доброжелательном окружении, что неизбежно приводило к межэтническим конфликтам и ассимилятивным процессам. В многочисленных стычках с казаками, в межродовых и межэтнических конфликтах гибли, прежде всего, мужчины, что не могло не сказаться и на естественном воспроизводстве этноса. Диспропорция полов, но уже с обратным знаком, давала о себе знать и в последующем. К началу XIX в. уже численность женщин была меньше численности мужчин [11, с. 190–191], в результате чего «девушки превратились в весьма "ходовой товар", их продавали с аукционов, практиковалась покупка двух-трёхлетних девочек» [10, с. 147]. Недостаток женщин во многом осложнялся родовой экзогамией, которая еще продолжала быть регулятором брачных отношений. Известную напряженность в традиционные брачные контакты вносили и имевшее достаточно широкое распространение так называемые «административные роды», в которые объединялись по причине малочисленности рода, бедности, невозможности кочевать самостоятельно. Любое такое объединение не могло не создавать в системе брачных отношений определенной неустойчивости [11, с. 191]. Все вышеперечисленные факторы приводили к вынужденному размыванию понятий «свой-чужой», появлению межэтнических родов и семей, а также к усилению ассимилятивных процессов. Основной ассимилирующей стороной для юкагиров до середины XIX в. выступали якуты как самый многочисленный этнос. В результате этого, численность юкагиров в районах совместного проживания с якутами неизменно сокращалась, в то время как численность самих якутов росла [там же, с. 192]. Об этом говорит и тот факт, что в 1897 г. для 44 % тунгусов Якутской области родным языком был якутский [12, с. 713]. Помимо этого, юкагиры имели активные, в том числе и брачные, контакты с тунгусами, коряками и чукчами, которые в дальнейшем привели к различным изменениям в семейно-брачных отношениях (смене матрилокального брака патрилокальным у нижнеколымских (тундровых) юкагиров, ужесточению экзогамных норм, появлению института калыма и пр.)

[5, с. 577]. В результате ассимиляции юкагиров тунгусами, коряками, чукчами и якутами практически распалась юкагирская этнолингвистическая общность, на ее основе сформировался культурный облик современных эвенов, а также родилась новая этническая общность – чуванцы [11, с. 206].

Стоит сказать и о том, что формирование соседских общин на принципиально новой основе не только снижало конфликтный потенциал межродовых и межэтнических отношений, служило важным условием преодоления отчужденности народов, укрепления их взаимодействия, но и способствовало проникновению в жизнь этнических общин элементов культуры соседей [там же, с. 110]. Так, например, под влиянием юкагиров, чукчей и коряков эвены стали использовать оленей не только для вьючно-верховой, но и нартенной езды, а тундренные юкагиры в междуречье Колымы и Индигирки заимствовали от якутов лошадь в качестве средства передвижения [13, с. 126]. Подобное хозяйственно-культурное взаимодействие приводило не только к расширению зон осваиваемого ландшафта, но и к дальнейшему увеличению смешанных браков, которые в прошлом имели место «преимущественно в этноконтактных зонах – на границах компактного расселения нескольких народностей, но особенно при их дисперсном, чересполосном расселении. Для представителей малочисленных родов межэтнические браки были нередко единственной возможностью создать семью. Характер таких браков зависел от этнического окружения» [14, с. 94], но преобладающими были браки с представителями народов, имеющих похожий ХКТ.

Во многом насильственный характер присоединения Дальнего Востока не мог не сказаться на взаимоотношениях с коренными народами, а также на характере культурных контактов. Казаки в глазах аборигенов были прежде всего завоевателями, носителями несвободы и уже по этой причине не вызывали добрых чувств. В фольклоре народов Северо-Востока казаки фигурируют как опасность номер один. Однако межэтнические браки, широко распространившиеся с первых лет российского присутствия, снизили градус напряженности, поскольку «аборигены, связанные родством с казаками, уже не могли быть их непримиримыми противниками» [11, с. 102–104].

Появившиеся на Дальнем Востоке первые крестьяне вынуждены были жить в мире и согласии со своими соседями. Природная среда порождала однотипность трудовой деятельности новопоселенцев и аборигенов, формировала общую культуру жизнеобеспечения, что облегчало контакты. Русские перенимали у аборигенов не только формы хозяйства, те или иные элементы материальной культуры, что было вполне естественно, но и их нравы. Особенно активно процессы сближения с русскими переселенцами протекали у таежных (лесных) юкагиров.

В силу малочисленности и преобладания мужчин русские были зависимы от аборигенов в репродуктивном отношении, поскольку без женщин-аборигенок невозможно было создать семью [там же, с. 118]. Казаки и промышленники, беря юкагинок в сожительницы (чаще всего покупая), представляли их как пленниц, чтобы в дальнейшем

их можно было окрестить и сделать официальными женами. По данным Б. О. Долгих, уже в 70–80-х гг. XVII в. в женах и наложницах русских промышленников, торговых и служилых людей состояло до 10 % женщин-юкагинок [15, с. 440]. Тем не менее официальные браки с русскими были достаточно редки; сказывались различия в жизненном укладе, а также раздельное проживание.

Взаимообогащение и интеграция культур получили особенно мощный импульс в годы советской власти, когда в смешанных по национальному составу хозяйствах объединились представители разных народов [11, с. 111]. Наиболее интенсивно этот процесс пошел уже после ВОВ и особенно после 1950-х гг., когда на Север стала массами переселяться молодежь из разных концов СССР в связи с интенсификацией его промышленного освоения. Параллельно велась перестройка сельского хозяйства тайги, что также сопровождалось притоком некоренного населения. В местах, где жили коренные народы либо по соседству с ними, открывались рыбозаводы, леспромхозы и т. п. В результате советской государственной политики поселкования, коллективизации и внедрения новых отраслей сельского хозяйства, проводившейся с начала 1930-х гг., традиционный уклад жизни юкагинов был нарушен. Все эти факторы существенно изменили характер национально-смешанных браков, а также обусловили их постоянный рост. Рост численности приезжего населения в XX в., укрупнение национальных сел, превращение их в многонациональные поселения не могли не привести к быстрому росту числа смешанных в этническом отношении семей. При заключении подобных браков национальные признаки не являлись особым препятствием. Даже старики говорили о том, что при этом дети будут красивее и крепче [14, с. 92; 16, с. 87].

У современных полукочевых собаководов, охотников на лося и пушного зверя трансформации XX в. затронули многие чувствительные сферы, в частности дисперсный способ расселения предельно малыми группами на обширной территории [16, с. 86].

Таким образом, если в конце 1920-х и особенно в 1930-х гг. количество смешанных браков юкагинов с русскими было достаточно невелико, то в дальнейшем, под влиянием различных политических, социально-экономических, общественных трансформаций, процент подобных браков в общей структуре этнически смешанных браков стал неуклонно расти. И на сегодняшний день можно сказать, что подобные браки являются преобладающими.

Так, юкагирская комплексная экспедиция 1959 г., анализируя хозяйственные списки, выявила процесс смешения юкагинов с эвенками и чукчами, который особенно усилился в конце 1940-х и 1950-х гг. [17, с. 76]. Например, «в Нижнеколымском районе, в Халарчинском наслеге (село Колымское) из 191 домохозяйства лишь одно оказалось юкагирским. В Олеринском наслеге (с. Андрюшкино) выявили 13 юкагирских, 12 юкагирско-эвенских, 5 якуто-юкагирских и 2 чукотско-юкагирских семей. В условиях многоязычия и смешанных браков национальная идентичность кочевых народов, особенно юкагинов, стала крайне расплывчатой. В ходе опросов многие жители

Олеринского наслега не могли точно отнести себя к какой-либо национальности, согласовываясь быть частью эвенов, юкагинов и чукчей» [8, с. 24].

Юкагирские мужчины в качестве брачных партнеров чаще выбирают якуток, а женщины – эвенов и русских; подобный выбор обусловлен как отражением длительных этнокультурных контактов, так и вынужденным выбором. Процент смешанных браков достигает 70,3 % у таежных юкагинов и 87,5 % у тундренных [18, с. 40].

За 1959–2020 гг. доля однонациональных юкагирских семей в общей численности семей с Андрюшкино уменьшилась с 23,5 до 14,5 %. В с. Нелемное доля однонациональных семей остается относительно стабильной. Однако эти семьи являются неполными, в большинстве случаев состоящие из матери и детей (90 %) [там же, с. 41].

Наблюдаются снижение числа юкагинов, состоящих в браке, и увеличение численности никогда не состоявших в браке / супружеском союзе. Рост числа людей, никогда не вступавших в брак, и малое количество мононациональных юкагирских семей объясняется ограниченным числом потенциальных партнеров в рамках их сообщества. Юкагиры, проживающие в селах Нелемное и Андрюшкино, в настоящий момент имеют множество кровных связей друг с другом. Эта ситуация также связана с изоляцией этнических групп юкагинов. Например, юкагиры из Нелемного, относящиеся к лесным, не имеют связей с тундренными юкагирами Нижнеколымского района и другими юкагирами, населяющими Магаданскую область и Чукотский автономный округ [там же, с. 42]. Соотношение российских юкагинов по полу показывает преобладание представителей женского пола (53,3 %). Такая же картина характерна как для юкагинов, проживающих в городской местности (55,6 %), так и для сельских жителей (51,0 %) [19].

Резюмируя, нужно признать, что современная юкагирская семья представляет собой смешанную семью, где национальность одного из партнеров – юкагирская. «В современных условиях для представителей юкагирского этноса актуальными становятся вопросы выбора национальной идентичности, знания собственной истории, языка, культуры или перманентного растворения в мультиэтнической среде» [16, с. 86].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Процесс брачных контактов мужчин и женщин у юкагинов претерпел определенную эволюцию под влиянием различных факторов, в том числе межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. На первоначальном этапе браки заключались внутри своего этноса, между, как правило, двумя-тремя родственными родами, осознающимися как «свои».

На втором этапе, под воздействием объективных и субъективных факторов (вооруженные конфликты, эпидемии, голодовки и, как следствие, малочисленность родов и диспропорция полов), родовые союзы заменяются территориально-соседскими общинами, в состав которых входят уже не только «свои» сородичи и соплеменники, но и «чужие» – представители других этносов. Подобные взаимоотношения хоть и носили время от времени насиль-

ственный характер, все же имели своими последствиями межэтническое взаимовлияние на разные стороны хозяйственной и общественной жизни участвующих сторон. Так, появление у юкагиров оленей и лошадей способствовало освоению ими новых территорий, а ассимиляция их коряками, чукчами и эвенками привела к появлению новой этнической общности – чуванцев. Тем не менее на этом этапе брачные партнеры выбирались пусть и из «чужих», но все же родственных по ХКТ народов.

Третий этап межкультурного взаимодействия начался с приходом на Дальний Восток сначала русских казаков, затем и крестьян-переселенцев. Этот процесс не был простым и безболезненным. Первая, совершенно естественная на начальном этапе взаимодействия реакция – отрицание. Аборигены не вникали в сущность нового мира, не искали в нем привлекательные черты. Его отменяли безоговорочно только потому, что он «чужой». Неприятие вызывало все: внешний вид пришельцев, их запах, цвет лица, форма носа, наличие бороды [20, с. 124]. На этом этапе взаимодействие культур характеризуется как противостояние. Не способствовал добрососедским отношениям и насильственный уход женщин и девочек в пленницы и наложницы русскими казаками и промышленными людьми.

В дальнейшем по мере мирного взаимодействия юкагиров с русскими крестьянами, вынужденными жить и вести свое хозяйство на одной территории, в результате межкультурного обмена, а также малочисленности последних началось долгосрочное взаимодействие двух разных культур – культуры бродячих охотников, рыболовов, кочевников-оленьеводов и культуры оседлых земледельцев. Процесс отрицания стал сменяться процессом принятия и взаимодействия. И если в конце XIX в. браки с русскими, в силу различий в хозяйственном и общественном быту, были редки, то начиная с 1920–1930-х гг., этот процесс стал расти в геометрической прогрессии. В годы советской власти в результате различных общественных трансформаций (коллективизация, укрупнение сел, миграция в города и пр.) рамки между «своими» и «чужими» стали еще больше размываться, что приводило к дальнейшему увеличению количества смешанных браков.

На сегодняшний день в силу ряда причин процент смешанных браков у юкагиров составляет более 50 %. Во-первых, огромное влияние на это оказывает разделение юкагиров на территориальные группы, между которыми из-за большого процента кровнородственных связей практически не поддерживаются брачные связи. Во-вторых, соотношение полов (преобладание женщин над мужчинами, особенно в репродуктивном возрасте). Отсюда получается, что для почти пятой части юкагиров смешанные браки – единственная возможность создать семью.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что в настоящий момент, на наш взгляд, границы «свой-чужой», по сути, практически нет: у юкагиров не только преобладают браки со славянским населением, но и появились семьи с представителями ближнего и дальнего зарубежья.

Как подтверждение, приведем один случай из жизни юкагиров: в 2021 г. главой Олеринского наслега (имеет статус юкагирского национального муниципального образования) была Римма Гавриловна Макарова, которая определяла свою этническую принадлежность как «якутка / саха», однако это не создавало для нее препятствий к тому, чтобы параллельно являться аниджэ, т. е. «юкагирским вождем» [21, с. 30]. И такая ситуация, кажущаяся парадоксальной для внешнего наблюдателя, в селе ни у кого не вызывала недоумения и критики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Гулевич, О. А. Психология межгрупповых отношений: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Гулевич. – М.: Юрайт, 2024. – 345 с.
2. Белова, О. В. Этнокультурный стереотип: между нормой и антинормой / О. В. Белова // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2016. – № 6. – С. 10–21.
3. Белова, О. В. «Еврейский миф» в славянской культуре / О. В. Белова, В. Я. Петрухин. – М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008. – 576 с.
4. Филиппова, В. В. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. / В. В. Филиппова, А. А. Сулейманов, В. И. Щадрин [и др.]. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 324 с.
5. Плужников, Н. В. Юкагиры / Н. В. Плужников // Большая Российская Энциклопедия: [в 35-ти т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004–2017. – М.: научное издательство «БРЭ», 2017. – Т. 35. – С. 576–577.
6. Курилов, Г. Н. Фольклор юкагиров / Г. Н. Курилов // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – Т. 25. – 594 с.
7. Иохельсон, В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
8. Юкагиры: историко-этнографический очерк / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.
9. История и культура коряков: историко-этнографические очерки / под общей ред. А. И. Крушанова. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
10. Патканов, С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен / С. Патканов. – СПб., 1911. – 210 с.
11. Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII–XIX вв.) / отв. ред. В. А. Тураев. – Владивосток: Наука, 2016. – 364 с.
12. Патканов, С. Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири, язык и роды инородцев / С. Патканов. – СПб., 1912. – Т. III. – 1002 с.
13. Туголуков, В. А. Социально-экономические и этнокультурные изменения у эвенов в советское время /

- В. А. Туголуков // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. – М., 1985. – С. 121–144.
14. Фадеева, Е. В. Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина / Е. В. Фадеева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 92–97.
 15. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М.: Наука, 1960. – 622 с.
 16. Жукова, Л. Н. Возврат к традиционному соседскому проживанию пуннумэ одулов – реальность или миф? / Л. Н. Жукова // Кунсткамера. – 2024. – № 3 (25). – С. 84–101.
 17. Сулейманов, А. А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. / А. А. Сулейманов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 74–78.
 18. Филиппова, В. В. Юкагиры Якутии: динамика демографических показателей второй половины XX–нач. XXI вв. / В. В. Филиппова // Казанская наука. – 2014. – № 11. – С. 39–43.
 19. Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. Том 5 «Национальный состав и владение языками». – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Национальный_состав_i_vladenie_yazykami (Дата обращения: 05.09.2025).
 20. Мельникова, Т. В. Предания коренных народов Приамурья о первых встречах с русскими / Т. В. Мельникова // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы. – Владивосток, 2002. – С. 123–129.
 21. Гончаров, Н. С. Ресурсы этничности в локальных стратегиях освоения пространства северной Якутии / Н. С. Гончаров // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2023. – № 2 (43). – С. 24–42.
- References**
1. Gulevich O. A. *Psikhologiya mezhgruppykh otnoshenii: uchebnyk dlya vuzov* [Psychology of intergroup relations: a textbook for universities]. 2nd edition, revised and updated / O. A. Gulevich. – Moscow: Yurait, 2024. – 345 p.
 2. Belova, O. V. *Ehtnokulturny stereotip: mezhdum normoi i antinormoi* [Ethnocultural stereotype: between the norm and the antinorm] / O. V. Belova // *Kultura slavyan i kultura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya* [Slavic and Jewish Culture: dialogue, similarities, differences]. – 2016. – № 6. – P. 10–21.
 3. Belova, O. V. «Evreiskii mif» v slavyanskoi culture [The “Jewish myth” in Slavic culture] / O. V. Belova, V. Ya. Petrukhin. – Moscow, Ierusalim: Bridges of culture; Gesheharim, 2008. – 576 p.
 4. Filippova, V. V. *Prostranstvo zhiznedeyatelnosti «ischezayushchego» etnosa: yukagiry Yakutii v XX–XXI vv.* [The living space of a “disappearing” ethnic group: the Yukaghirs of Yakutia in the XX–XXI centuries] / V. V. Filippova, A. A. Suleimanov, V. I. Shchadrin [et al.]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2020. – 324 p.
 5. Pluzhnikov, N. V. *The Yukaghirs* / N. V. Pluzhnikov // *Bolshaya Rossiiskaya Ehntsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]: [in 35 vols.] / Ed. Yu. S. Osipov ; 2004–2017. – Moscow: nauchnoe izdatel'stvo «BRE» [“BRE” Scientific Publ. House], 2017. – Vol. 35. – P. 576 – 577.
 6. Kurilov, G. N. *Folklor yukagirov* [Folklore of the Yukaghirs] / G. N. Kurilov // *Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East]. – Moscow: Novosibirsk: Nauka, 2005. – Vol. 25. – 594 p.
 7. Iokhelson, V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [The Yukaghirs and Yukagirized Tunguses] / V. I. Iokhelson. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 675 p.
 8. *Yukagiry: istoriko-ehtnograficheskii ocherk* [The Yukaghirs: a historical and ethnographic essay] / Ed. A. P. Okladnikov. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – 244 p.
 9. *Istoriya i kultura koryakov: istoriko-ehtnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Koryaks: historical and ethnographic essays] / Ed. A. I. Krushanova. – St. Petersburg: Nauka, 1993. – 240 p.
 10. Patkanov, S. *O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiranii pervobytnykh plemen* [On the growth of the non-native population in Siberia. Statistical materials for highlighting the issue of the extinction of primitive tribes] / S. Patkanov. – St. Petersburg, 1911. – 210 p.
 11. *Rossiya i narody Dal'nego Vostoka: istoricheskii opyt mezhehtnicheskogo vzaimodeistviya (XVII–XIX vv.)* [Russia and the Peoples of the Far East: historical experience of interethnic interaction (XVII–XIX centuries)] / Ed. V. A. Turaev. – Vladivostok: Nauka, 2016. – 364 p.
 12. Patkanov, S. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav Sibiri, yazyk i rody inorodtsev* [Statistical data showing the tribal composition of Siberia, the language and clans of the foreigners] / S. Patkanov. – St. Petersburg, 1912. – Vol. III. – 1002 p.
 13. Tugolukov, V. A. *Sotsialno-ehkonomicheskie i etnokulturnye izmeneniya u evenov v sovetskoe vremya* [Socio-economic and ethnocultural changes among the Evens in Soviet times] / V. A. Tugolukov // *Ethnocultural processes among the peoples of Siberia and the North*. – Moscow, 1985. – P. 121–144.
 14. Fadeeva, E. V. *Brachnye predpochteniya zhenshchin i muzhchin iz chisla predstavitelei korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Marriage preferences of women and men from among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin] / E. V. Fadeeva // *Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical Demography”*. – Syktyvkar, 2023. – № 8 (66). – P. 92–97.
 15. Dolgikh, B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century] / B. O. Dolgikh. – Moscow: Nauka, 1960. – 622 p.
 16. Zhukova, L. N. *Vozvrat k traditsionnomu sosedskomu prozhivaniyu punnumeh odulov – real'nost' ili mif?* [Is the return to the traditional neighbourhood of Punnumeh Oduls a reality or a myth?] / L. N. Zhukova // *Kunstkamera*. – 2024. – № 3 (25). – P. 84–101.

17. Suleimanov, A. A. Yukagirskaya kompleksnaya ehkspeditsiya 1959 g. [Yukagir complex expedition of 1959] / A. A. Suleimanov // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2014. – № 3. – P. 74–78.
18. Filippova, V. V. Yukagiry Yakutii: dinamika demograficheskikh pokazatelei vtoroi poloviny KHKH-nach. XXI vv. [Yukaghirs of Yakutia: dynamics of demographic indicators in the second half of the XX–early XXI centuries] / V. V. Filippova // Kazan science. – 2014. – № 11. – P. 39–43.
19. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2021 goda. Tom 5 «Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami» [Results of the All-Russian Population Census of 2021. Vol. 5 “National composition and language proficiency”]. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed: 05.09.2025).
20. Melnikova, T. V. Predaniya korennykh narodov Priamur'ya o pervykh vstrechakh s russkimi [Legends of the indigenous peoples of the Amur region about the first encounters with the Russians] / T. V. Melnikova // Ehtnologiya i obrazovanie: problemy integratsii akademicheskoi nauki i vysshei shkoly [Ethnology and education: problems of integration of academic science and higher education]. – Vladivostok, 2002. – P. 123–129.
21. Goncharov, N. S. Resursy ehtnichnosti v lokal'nykh strategiyakh osvoeniya prostranstva severnoi Yakutii [Ethnic resources in local strategies for the development of the space of northern Yakutia] / N. S. Goncharov // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [North-Eastern Humanitarian Bull.]. – 2023. – № 2 (43). – P. 24–42.

Информация об авторе:

Фадеева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; ORCID iD: 0009-0008-0193-2981; (690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Author:

Elena V. Fadeeva – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences ; ORCID iD: 0009-0008-0193-2981; (e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Для цитирования:

Фадеева, Е. В. Эволюция брачных контактов юкагиров в контексте «свой-чужой» / Е. В. Фадеева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 29–35.

For citation:

Fadeeva , E. V. The evolution of marital contacts among the Yukaghirs in the context of «friend or foe» / E. V. Fadeeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical Demography». – 2025. – No. 9 (85). – P. 29–35.

Дата поступления статьи: 05.11.2025

Прошла рецензирование: 14.11.2025

Принято решение о публикации: 28.11.2025

Received: 05.11.2025

Reviewed: 14.11.2025

Accepted: 28.11.2025